
СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

А.В. ГЛУХОВА, Л.Н. ТИМОФЕЕВА*

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье проанализировано состояние мировой и российской политической конфликтологии. В научных и интеллектуальных кругах обсуждаются перспективы крушения современной миросистемы и формирования нового миропорядка. Авторы раскрывают этапы развития теории конфликтов в мире и России, специфику становления политической конфликтологии и образования конфликтологического научного сообщества в стране, исследуют те проблемы научного плана, которые стоят перед конфликтологией.

Ключевые слова: конфликт; теория конфликтов; политическая конфликтология; российская школа конфликтологии.

A.V. Glukhova, L.N. Timofeeva

Russian political conflictology: State and problems

Abstract. The article examines the state of the global and Russian political conflictology. Century of two world wars and the Cold War is over, but the beginning of the XXI century – the century of new tests mankind. Scientists, who study political conflicts, have to give your answer to the challenges of this new reality.

* **Глухова Александра Викторовна**, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и политологии Воронежского государственного ун-та, e-mail: avglukhova@mail.ru; **Тимофеева Лидия Николаевна**, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, вице-президент, председатель Правления РАПН, e-mail: timofeeva-lidiya@inbox.ru

Glukhova Alexandra, Voronezh State University (Voronezh, Russia), e-mail: avglukhova@mail.ru; **Timofeeva Lidiya**, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА) (Moscow, Russia), Russian Political Science Association (Moscow, Russia), e-mail: timofeeva-lidiya@inbox.ru

The authors talk about the stages of development of the theory of conflict in the world and Russia, on the establishment of political conflict resolution and education scientific community of scientists, who study political conflicts in the country, about the problems of scientific plan, which stand in front of them.

Keywords: conflict; conflict theory; Political Conflict; Conflict Russian School.

Актуальность конфликтологического знания в современном мире

Понятие «конфликт» является сегодня едва ли не самым распространенным как в публицистической, так и в научной литературе. XX век («преступное столетие», по определению З. Бжезинского) характеризуется невиданным ранее по масштабам и глубине противоборством социальных сил в ходе борьбы за переустройство миропорядка и человеческих отношений. Начавшись кровавым катаклизмом Первой мировой войны, переросшей затем в революции и локальные гражданские конфликты в рамках национальных государств, подошел к концу XX в. В научных и интеллектуальных кругах обсуждаются перспективы крушения современной миросистемы и формирования нового миропорядка. «Мир подходит к точке бифуркации, и эффект беспорядочных колебаний будет огромен» – такова доминирующая точка зрения. Окончание холодной войны явилось завершением одной мировой трагедии и началом новых испытаний человечества. Пятидесятилетнее мировое противостояние по социальному признаку, казавшееся всепоглощающей осью мировой политики, явилось на самом деле гигантской ширмой, за которой скрывались и другие, не менее острые конфликты. Сегодня одни авторы (С. Хантингтон) прогнозируют обострение борьбы между нациями и группами, представляющими различные цивилизации; другие полагают, что главной сферой противостояния и конфликтов в XXI в. станут вопросы распределения и контроля над ресурсами, что приведет к новому виду социальной напряженности внутри общества и потенциально – к напряженности международной (Ф. Фукуяма). В свете сказанного совсем не случайным выглядит тот факт, что проблематика конфликтов неоднократно оказывалась в центре внимания различных научных организаций, включая Международную ассоциацию политической науки, объявлявшую 1997 г. годом изучения социального конфликта.

Особую остроту конфликты приобрели в так называемых транзитных обществах, каковыми в конце XX в. стали государства Центральной и Восточной Европы, Россия, государства постсоветского пространства, а также ряд других. Эта конфликтность связана с трудностями кардинальной ломки всей системы общественных отношений, происходящей в этих странах, характером переживаемого ими как экономического, так и политического кризисов, трудными поисками путей выхода из них. Следует признать, что эти процессы застали политологов врасплох. Только недавно стали появляться глубокие исследования причин, форм, типов разворачивающихся в политической сфере конфликтов. Отчетливо прослеживается *тенденция к политизации* большинства современных конфликтов – от производственных до этноконфессиональных, от межгрупповых до межорганизационных, включая межгосударственные.

В последние годы объектом повышенного внимания конфликтологов стали государства Северной Африки и Ближнего Востока, в которых под давлением массовых протестных движений ушли в отставку или были смещены представители коррумпированных правящих элит, долгие годы сохранявших за собой монопольную власть. Феномен «арабской весны» остается предметом ожесточенных теоретических споров и политических дискуссий.

Сказанное означает наличие острой потребности в объяснении происходящих социально-политических процессов, прогнозировании траектории развития возникающих конфликтов, своевременном применении политических и иных технологий по их регулированию и минимизации негативных последствий. Как никогда остро в политической повестке дня стоит вопрос о мерах по ограничению использования насильственных методов разрешения конфликтов, по воспитанию уважительного отношения к иной позиции или точке зрения, но при этом неприятию экстремистских, расистских идей, идеологий и их носителей. В век растущего культурного разнообразия, в условиях глобальной цивилизации ведение комплексных культурных диалогов – это теперь наша судьба [Бенхабиб, 2003, с. 222]. Вместе с тем, как справедливо отмечал бывший президент Международной ассоциации политической науки (МАПН) Т. Лоуи, политологам должен быть ближе пессимистический взгляд на проблему, поскольку «нам, занимающимся политической наукой, следует быть специалистами по изучению патологий. Мы неизбежно являемся функционалистами, но нас

должны волновать прежде всего дисфункции; нам больше следует интересоваться противоречиями и побочными последствиями системы, чем тем, как она работает» [Лоуи, 1999, с. 110–111]. Полагаем, что в еще большей степени такая методологическая посылка справедлива для политических конфликтологов.

Предметная область политической конфликтологии

Теоретико-методологические подходы к исследованию политических конфликтов исходно разрабатывались в рамках социологической науки, переживавшей процесс становления в последней трети XIX в. В современной перспективе социология сама может быть представлена как осмысление фундаментального социально-политического конфликта, возникшего при переходе от традиционного общества к гражданскому массовому обществу в Новое и Новейшее время. Смена парадигм исследования конфликтов всегда была тесно связана с динамикой общественных изменений, а сами методологические подходы – вне зависимости от артикуляции в них собственно политической проблематики – являлись теоретическим ответом на два вопроса: *как возможно целостное (стабильное) существование общества и как соотносятся общественный порядок и его изменение.*

Заслуга *К. Маркса*, создавшего одну из самых влиятельных конфликтологических теорий, заключалась в признании естественной конфликтности социальных отношений и характеристик конфликтов как неизбежного свойства и источника изменения социальных систем. В ней были представлены как структурные компоненты конфликта (объект, предмет, субъекты), так и факторы, влияющие на его формирование и динамику. Несмотря на потерю былой популярности в силу ряда известных слабостей (экономический детерминизм и т.д.), теория классового конфликта К. Маркса содержит важный методологический прием, использующийся в современной политической конфликтологии, – прием *доминантного размежевания*, т.е. выделения основного противоречия, главного конфликтного раскола (кливажа), играющего значимую роль в идентификации конкретного политического конфликта и выборе способов и методов его урегулирования.

Наследниками основанной К. Марксом *структуралистской парадигмы* исследования политических конфликтов стали мыслители XX в. – Р. Дарендорф, Й. Галтунг, А. Турен. **Р. Дарендорф** предложил вариант политической трактовки дихотомического отношения классов, взяв за основу заимствованное у М. Вебера понятие господства. Классы, выделяемые по чисто экономическим признакам, являются для Дарендорфа лишь частным случаем феномена класса. Согласно Дарендорфу, общественный порядок поддерживается при помощи процессов, создающих отношения авторитета в различных типах императивно координированных ассоциаций (ИКА), т.е. союзах господства. Последние представляют собой хорошо различимую организацию ролей в системе властных отношений: роли управляющих и управляемых, которые борются и конкурируют между собой за дефицитные ресурсы – власть и авторитет, являющиеся главным источником конфликтов и общественных перемен. Таким образом, социальная действительность служит прообразом этих бесконечно повторяющихся конфликтов по поводу авторитета в различных типах ИКА, из которых состоит социальная система [см.: Дарендорф, 1994 а; Дарендорф, 1994 б; Дарендорф, 2002; Dahrendorf, 1957; Dahrendorf, 1989; Dahrendorf, 2003].

Методологические установки Дарендорфа прослеживаются в рамках так называемой динамической социологии **А. Турена**. Автор исходит из той же дихотомической модели общества и концентрирует свое внимание на современных формах конфликтов. Вместе с тем общество рассматривается Туреном не через социальную структуру, а через *социальную динамику*, благодаря чему оно становится историческим движением, *историчностью*. Необходимо изучать не классы сами по себе, но их отношения как социальных акторов, являющиеся *отношениями конфликта* между господствующим классом, который служит историчности и использует ее в своих интересах, и подчиненным классом, который сопротивляется этому господству и оспаривает присвоение первым социальной динамики. «Он (господствующий класс) впервые порождает глобальное, культурное, а не только экономическое или политическое сопротивление, которое не является защитой групп или особых социальных интересов, но протестом всех управляемых против технократической доминации», – считает А. Турен [цит. по: Ансар, 1996, с. 118; Турен, 1998].

Норвежский ученый *Й. Галтунг* известен своей концепцией структурного насилия и структурных конфликтов. Последние становятся следствием структурных диспропорций, порождающих напряжения и насильственные воздействия как на отдельных индивидов, так и на целые социальные группы. Под структурным насилием автор понимает социальную несправедливость в смысле неравного распределения ресурсов и неравных жизненных шансов. В противовес «узкой» концепции насилия, принимающей во внимание только прямое, физическое насилие, он формирует «широкую» концепцию насилия, ориентированную на выяснение как общей природы этого феномена, так и его специфических типов. Структурное насилие является не менее распространенным и значимым, чем прямое (физическое) насилие. Отсюда наиболее эффективным способом разрешения структурных конфликтов является систематическое изменение сети взаимодействий в социальной структуре, т.е. ее реорганизация [см.: Galtung, 1994; Галтунг, 2004].

Другим парадигмальным подходом в рамках политической конфликтологии является *функционализм*, рассматривающий конфликты как функцию человеческого поведения. Основоположник этой парадигмы *Г. Зиммель* трактовал социальный конфликт не просто как столкновение интересов, но как нечто большее, возникающее на основе *инстинктов враждебности*. Отсюда конечным источником конфликтов является внутренняя биологическая природа людей, в то время как столкновение интересов лишь обостряет борьбу, но не является ее основной причиной. В отличие от макроконфликтов, исследованных Марксом, Зиммель чаще всего анализировал явления противоположного характера – менее интенсивные и острые конфликты, которые укрепляли прочность и интеграцию системы, стимулировали ее упорядоченные изменения. Вместе с тем он выявил ряд условий, влияющих на остроту конфликта, т.е. на степень прямой конфронтации борющихся партий [Зиммель, 1996].

Наследником Г. Зиммеля в рамках так называемого *конфликтного («позитивного») функционализма* стал *Л. Козер*, рассматривавший социальный мир как систему взаимосвязанных частей, характеризующуюся напряженностью и конфликтными интересами. Задачу науки Л. Козер видел в том, чтобы выявить интегративные, стабилизирующие систему функции конфликтов и минимизировать их негативные последствия. Он четко выводил зависимость

функций конфликта от типа социальной системы, в которой конфликт происходит. Чем менее жесткой является ее внутренняя организация, тем вероятнее, что именно конфликт может установить равновесие и иерархию власти, способствовать созданию ассоциативных коалиций, которые увеличат сплоченность и интеграцию системы. Чем чаще конфликты и чем они мягче, тем вероятнее, что они должны содействовать нормативному регулированию. Таким образом, Л. Козер в большей степени исследует интеграцию и адаптивность системы как результат конфликта, чем нарушение равновесия, аномалии и антагонизмы между подгруппами [см.: Coser, 1957; Козер, 2000].

В политическую науку конфликтный функционализм был привнесен *С. Липсетом* [см.: Липсет, 1987]. Последний предпринял анализ путей и способов, с помощью которых ценностные системы и политические институты противостоят конфликтам и служат поддержанию порядка и консенсуса. С. Липсет решительно выступает против преувеличения различий между конфликтной и консенсусной парадигмами. Признание общих ценностных систем, по его мнению, еще не означает снижения уровня внутренних конфликтов. Даже ценности, принятые во всем обществе, могут на практике порождать острую борьбу, революционное и отклоняющееся поведение. Следовательно, одни и те же институты можно рассматривать и как средства интеграции, и как факторы конфликта. Это относится, прежде всего, к политическим партиям и профсоюзам. Неорганизованные люди потенциально являются гораздо большей опорой для революционных и экстремистских движений левого и правого толка, чем те, кто принадлежит к определенным группам. Эмпирические исследования 1950-х годов привели западных политологов к выводу о том, что происходит смещение линий конфликтов с межгрупповых на межличностные (интерперсональные) отношения, и в этом – одно из существенных условий стабилизации современных демократических обществ. Еще одним условием стабилизации плюралистической демократии является так называемое «текущее членство»: члены общества принадлежат к множеству не только действительно существующих, но и потенциальных групп интересов. В концепции Д. Трумена конфликт групп динамизирует политику и социальные изменения. Но сам по себе конфликт всегда содержит в себе тенденцию к равновесию, балан-

су интересов, а социальная система корректирует структурные диспропорции.

Функционализм оказался весьма плодотворной методологией в исследовании политических конфликтов не только на внутривнутриполитической арене (т.е. в рамках отдельного государства), но и на международном уровне. Возникшие под сильным влиянием бихевиористской методологии общая теория конфликта **К. Боулдинга**, теория **К. Митчелла** исходили из общности поведенческих моделей людей вне зависимости от микро- или макроуровня их взаимодействия [см.: Boulding, 1988; Mitchell, 1989]. В конце XX в. научный мир столкнулся с более сложной и многообразной политической реальностью, в которой более значимую роль, чем прежде, стал играть культурный фактор как средство идентификации и политической мобилизации. Отражением этой новой реальности стала концепция столкновения цивилизации **С. Хантингтона** как наиболее вероятного (хотя и далеко не predetermined) основного конфликта XXI в. [см.: Хантингтон, 2003]. «Подробный, богатый информацией анализ Хантингтона ни в коем случае не является подстрекательским, как можно подумать исходя из призыва автора и названия его книги. Пока ислам остается исламом (а он им останется) и Запад остается Западом (что гораздо проблематичнее), этот фундаментальный конфликт между двумя большими культурными кругами и жизненными формами будет и дальше определять их взаимоотношения, как он определял их на протяжении минувших 1400 лет», – отмечал Р. Дарендорф [Dahrendorf, 2006, s. 211]. Имеется в виду конфликт между либеральным и фундаментально нелиберальным порядком.

Повышенное внимание к макроконфликтам, в особенности к феномену современной войны, включая ее новые, гибридные формы, уделяют также немецкие исследователи, в частности **Х. Мюнклер** [см.: Muenkler, 2003; Muenkler, 2005].

Наряду с изложенными основными конфликтологическими подходами (структурализм и функционализм) большой вклад в исследование политических конфликтов внесли представители историко-сравнительного метода в политической науке, специализировавшиеся на изучении революций и модернизаций, – **П.А. Сорокин**, **Т. Скокпол**, **Ш.Н. Айзенштадт** [см.: Сорокин, 1992; Skocpol, 1979; Айзенштадт, 1993], а также те авторы, которые сегодня пытаются в рамках этой парадигмы («догоняющих революций») ос-

мыслить события 1989–1990 гг. в странах Центральной и Восточной Европы, – *Т.Г. Аш, Х. Фишер, У.К. Пройс, К. фон Байме, Ю. Хабермас* и др. [см.: Ash, 1990; Fischer, 1990; Preus, 1990; Habermas, 1990; Дарендорф, 1994, s. 39; Rischer, 1993; Beume, 1992].

Кроме того, проблематика политических конфликтов активно рассматривается в рамках демократических транзитов, большой вклад в изучение которых внесли *Ф. Шмиттер, А. Пшеворский, Д.А. Растоу, В. Банс, Р. Саква, Ф. Рюб* и др. [см.: Пшеворский, 1993; Банс, 199; Шмиттер, 1996; Рюб, 2003]. Особое внимание здесь уделяется функциональной роли конфликта как механизма поставторитарных трансформаций.

Следует также обратить внимание на ту эвристическую роль, которую в политической теории сыграли труды ведущих европейских социологов и политологов, работающих в рамках постструктуралистской научной парадигмы. Это *П. Бурдьё, Ж.-М. Денкэн, М. Доган, У. Матц* и т.д. [см.: Бурдьё, 1993; Бурдьё, 1996; Денкэн, 1993; Доган, 1994; Матц, 1992]. «Открытие» этими авторами поля политики как процессуирующей структуры со свойственными ей дифференциациями, ассоциациями и диссоциациями политических субъектов способствовали выходу на новый нетрадиционный уровень в трактовке политического конфликта не только как практически-политического, но и теоретического, и символического (культурного) противоборства за доминирование в социальном пространстве и возможность влиять на модификации и трансформации последнего. Несмотря на то что эти работы не исследуют непосредственно политический конфликт, но представляют собой социологический анализ политики, изложенные в них подходы представляются весьма перспективными в отношении интересующей нас проблематики.

Таким образом, история возникновения и развития политической конфликтологии как самостоятельной отрасли политической науки свидетельствует о ее междисциплинарном характере, последовательном вычленении конфликтологических аспектов политической реальности из таких смежных наук, как политическая социология, политическая психология, теория международных отношений, и объединение их в рамках полиструктурной научной отрасли с собственным объектом, предметом и методами исследования.

Теоретический и практический фундамент русской политической конфликтологии

Было бы несправедливым утверждать, что изучением политических конфликтов в России занялись только в 90-х годах XX в. Автор книги и докторской диссертации, защищенной в 2007 г. в Москве по теме «Становление социологии конфликта в России (теоретико-методологические и институционально-организационные основы)», С.Л. Прошанов убедительно показал, что в нашей стране социологическое знание о конфликтах начало формироваться еще в XIX в. в русле мировой тенденции, хотя и имело свои отличительные черты. На базе библиографического и наукометрического анализа динамики ежегодного количества публикаций по проблеме конфликта исследователь выделяет два больших периода: преинституциональный (с 60-х годов XIX в. до 1991 г.) и институциональный (с 1991 г. по настоящее время) и четыре этапа зарождения и становления конфликтологии как науки [Прошанов, 2008, с. 9].

Первый этап – с 1860-х годов по 1917 г. – был связан как с усвоением привнесенных с Запада идей О. Конта и К. Маркса, распространение которых было связано с надеждами передовой русской интеллигенции на социальные перемены в российском обществе, так и с идеями пионеров российской социологии конфликтов, таких как Я. Юделевский, П. Сорокин, А. Звоницкая.

Несмотря на то что идеи революции и классовой борьбы нашли живой отклик в России (Н.К. Михайловский, П.Л. Лавров, русские марксисты), тем не менее они не были однозначно восприняты всем научным сообществом. С 1890-х годов началась конфронтация между теорией марксизма и немарксистскими учениями (М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, В.М. Хвостов и др.), фактически отразившая и общемировой тренд, вылившийся в 50-е годы XX в. в борьбу двух научных школ – диалектического и структурно-функционального анализа – и завершившийся созданием общей теории конфликтов, где были восприняты от одной из школ – идея борьбы, возникновения и разрешения противоречий как источника социального развития, а от другой – идея равновесности, устойчивости, связей, компромисса и консенсуса на основе общих норм в социальных отношениях.

Вместе с тем русской общественной мысли вообще и конфликтологической мысли в частности была присуща самобыт-

ность, а в некоторых своих действиях и открытиях она не раз опережала западную науку. Например, еще в начале XX в. во время организации Русской высшей школы общественных наук в Париже (при Парижской всемирной выставке) в 1900–1902 гг., основателями которой стали российские социологи М.М. Ковалевский и Е.В. Роберти, для почти 500 слушателей читался курс «*Мирное разрешение народных конфликтов*». В 1910 г. российский социолог **Я.Л. Юделевский** (1868–1957) пишет книгу «Социальные антагонизмы и классовая борьба в истории» [Делевский (Юделевский), 1910], где возводит в абсолюте и наделяет признаками борьбы весь живой и неживой мир, разделяет понятия «антагонизма» и «борьбы», групповые и индивидуальные интересы; выделяет стадию осознания противоречия, присутствия инцидента в поведении конфликтантов, который открывает путь к конфронтации; подходит к типологизации конфликтов по характеру интересов, в том числе и политических. Тем самым он предвосхитил идеи американского социолога К. Боулдинга, который в 1950-е годы фактически повторяет основные постулаты российского ученого. Юделевский предвосхищает и общеизвестный «Зиммелевский парадокс» – уступки сильному сопернику.

В 1913 г. будущий основатель современной социологии **П.А. Сорокин** (1889–1968) публикует в России труд, где исследует социальную роль кар и наград [Сорокин, 1999] и признает неизбежность конфликтов в обществе, хотя и не считает тогда их нормой жизни, как впоследствии. Он замечает сигнальную функцию социального конфликта; обращает внимание на то, что чем устойчивее шаблоны противоборствующих групп, тем ожесточеннее война между ними, которая может привести к трем исходам: разъединению столкнувшихся центров, уничтожению одного из них либо к насильственному принуждению побежденного центра к исполнению шаблонов победителей. Фактически он предсказывает исход будущей социалистической революции и гражданской войны «красных» и «белых».

Необходимо указать и на фундаментальный научный труд П.А. Сорокина, написанный им на русском языке в 1923 г. и опубликованный в эмиграции в США, – «Социология революции» [Сорокин, 2008]. Он заложил *оригинальное учение об интегрализме*, в основе которого лежит не учение о революции и классовой борьбе, как у Маркса, связанной впоследствии с обобществлением собст-

венности, и не примат либеральных ценностей со всеохватывающим капиталистическим рынком, с приоритетом индивидуализированного «Ното еconomicus», а *социогенетика*, сопряженная с *плюрализмом* общества, его многомерностью, предполагающей множественность социальных сил и граней общественной жизни. Именно в отрицании коммунистического и либерального монизма, в отрицании унификации, в наличии различных, борющихся между собой и в то же время неразрывно связанных между собой в едином синтезе сил и элементов Сорокин видел движущие силы, источник саморазвития многомерного общества [Яковец, 2004].

Пророческими для современного политического противостояния России и Запада оказывается его мысль о том, что ни один рецепт того, как избежать международных военных конфликтов или других форм человеческих междоусобиц, не может их уничтожить: «Под такими популярными рецептами я подразумеваю, прежде всего, уничтожение войн и конфликтов политическими средствами, особенно вследствие демократических политических преобразований. Даже если завтра весь мир станет демократическим, все равно войны и кровавые стычки не исчезнут, поскольку демократии оказываются не менее воинственными и неуживчивыми соседями, чем автократические режимы» [Сорокин, 1992, с. 195].

Среди пионеров отечественной социологии конфликтов и первая женщина-социолог *А.С. Звоницкая* (1897–1942), которая в своей книге «Опыт теоретической социологии» систематизирует социологические знания о социальном конфликте, представляя его как разрыв в социальных связях, убеждая, что конфликты могут случиться в любой сфере, включая политическую, приняв в последствие форму кризиса [Звоницкая, 1914], и получает одобрение П.А. Сорокина.

Второй этап – с 1917 по 1961 г. – этап победившей марксистской парадигмы в исследовании истории и политической практики. Многим ученым, не согласным с тем, что происходило в стране и в общественных науках после прихода большевиков к власти, пришлось уехать. Покинули Россию П.А. Сорокин и Я.Л. Юделевский.

Дело в том, что марксизм на всех уровнях познания общественных процессов – сущностном, всеобщем и конкретно-историческом, социологическом и политологическом – признает социальные конфликты, коллизии и антагонизмы как возможные, а в условиях острой классовой борьбы в рамках так называемых анта-

гонистических формаций – и как неизбежные явления общественной жизни. Однако он оказался не в силах выйти за пределы воззрений своего времени. А его последователи в России не решились на критический пересмотр ряда постулатов. Одним из таких предрассудков было убеждение о возможности в будущем исключить социальные конфликты из жизни общества. Именно с этим и столкнулись исследователи социальных и политических конфликтов после победы социалистической революции. И хотя российские ученые не прекращали своих исследований (в частности, в 1917 г. выходит книга *Н.И. Бухарина* (1888–1938) «Классовая борьба и революция в России», в 1918 г. – труд одного из первых преподавателей социологии *К.М. Тахтарева* (1871–1925) «Общество и государство и законы борьбы классов», действует кафедра социологии, основанная в 1919 г. П. Сорокиным, в 1923 г. издается первый труд Г. Зиммеля на русском языке «Конфликт современной культуры», в 1924 г. выходят массовым тиражом первые публикации о проблемах социальных конфликтов в Советской России), но со временем становится ясно, что вопрос о политических, а затем и трудовых конфликтах для них закрыт, «исчерпан с победой революции». После острых споров, дискуссий и политической борьбы начала 1920-х годов в 1930-х утверждается бесконфликтная парадигма развития социалистического общества, выполняющая идеологическую функцию и как бы иллюстрирующая выводы марксизма о возможности построения бесклассового общества, а также то, что между рабочим классом и крестьянством не может быть антагонистических противоречий. По этой причине в 1933 г. из Устава профсоюзов было убрано положение о праве работающих на забастовки, прекращается учет трудовых конфликтов. Вплоть до 1960 г. не появляется практически ни одного исследования, касающегося конфликтов при социализме.

Третий этап начинается в 1960-е годы. Возрождается интерес к проблематике конфликтов, поскольку практика противоречит выведенным постулатам. Скрытые от публики факты о выступлениях рабочих против снижения тарифов и подъема цен на товары первой необходимости, против задержки выплаты зарплат, волнения в ряде закавказских республик на этнической почве не давали возможности правящему режиму игнорировать исследования этого вопроса. Однако для него задается определенный идеологический коридор. Автор книги о конфликтах в условиях социализма Г.М. Штракс

предложил рассматривать конфликты как микросоциальное явление, характерное лишь для некоторых конфликтных ситуаций, возникающих между личностями в коллективах [Штракс, 1960]. Причины конфликтов связывались с отклонением от «нормального» хода развития, с пережитками прошлого. Конфликт считался ненормальным для социалистического общества, дисфункцией. А социальный конфликт рассматривался как «прямое порождение эксплуататорского общества, закономерное выражение его классово-антагонистической структуры, детерминированной господством частной собственности» [Нечипоренко, 1977, с. 37]. Эта трактовка стала фактически нормой для советских ученых.

Разумеется, в рамках отдельных дисциплин конкретные виды конфликтов все же были объектом исследования. Психологи изучали внутренние конфликты, философы – общественные противоречия и трудовые конфликты, историки – войны и другие виды борьбы. Представители правовых наук традиционно изучали разноуровневые конфликты (международники – конфликты между государствами, криминалисты – преступные деяния, «цивилисты» – имущественные споры и т.д.). Более того, ряд исследователей указывали на положительную роль моральных конфликтов в развитии нравственности в советском обществе, не считая их аномалией. Некоторые ученые, например Л.А. Петровская [Петровская, 1977], занялись проблемами теоретико-методологического и общетеоретического характера конфликтов.

В 1970-е годы выводы ученых относительно социальных конфликтов стали более решительными. Например, они консолидировались в своем понимании того, что социальные конфликты как явление и процесс присущи любому социально-политическому строю и выступают атрибутом социального бытия человеческого общества.

С началом перестройки в СССР бурные социально-политические события заставляют отечественных исследователей плотнее заняться проблематикой конфликтов. В 1985 г. выходит книга американского социолога *Дж. Тернера* «Структура социологической теории» [Тернер, 1985], благодаря которой научный мир Советского Союза получает возможность ознакомиться с системой взглядов на конфликт современных зарубежных ученых и в которой подробно обоснованы две ведущие конфликтологические концепции: диалектическая теория конфликтов К. Маркса и теория

конфликтного функционализма Г. Зиммеля. Она тоже способствует активизации научных исследований в этой области. С 1986 по 1990 г. в стране по теме конфликтности публикуется научных статей, монографий, сборников больше, чем за весь предыдущий период [Прошанов, 2008, с. 42]. В одном из ведущих обществоведческих журналов страны в 1990 г. выходит знаменательная статья Овчинникова В.С. «Политические конфликты и кризисные ситуации», где предлагается рассматривать политический конфликт как сложносоставной феномен, как вершину айсберга, который скрывает в себе конфликты разных уровней и сфер [Овчинников, 1990]. Он же потом одним из первых в стране начнет преподавать курс политической конфликтологии в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.

С 1991 г. – переломного для политической системы страны – начинается пристальное изучение политических конфликтов. В 1992 г. в Ростовском государственном университете защищает докторскую диссертацию по теме «Социальный конфликт (политологический анализ)» Ю.Г. Запрудский, который обосновывает тезис о том, что феномены политики и социального конфликта связаны генетически и функционально и взаимопроникают друг в друга. Институты политики предполагают конфликтность, а крупные социальные конфликты требуют политических средств решения. Формы проявления конфликтности в обществе зависят от особенностей материальной и духовной культуры общества, исторических и политических традиций, норм организации общественной и политической жизни. Методы предупреждения и регулирования конфликтов дают эффект в том случае, когда они учитывают особенности общественной среды, в которой происходят [Запрудский, 1992].

В этом же году в Российской академии управления защищает кандидатскую диссертацию по теме «Социально-политический конфликт: особенности диагностики и управления» А.Н. Чумиков, а уже в 1995 г. – диссертацию на соискание степени доктора политических наук на тему «Конфликт в системе социально-политических процессов переходного периода». Среди выводов ученого – важный тезис о том, что политическими конфликтами можно управлять. Вехой в теоретическом осмыслении политических конфликтов стала докторская диссертация А.В. Глухой (1997). Автор уделила пристальное внимание актуальным проблемам переходных обществ, и прежде всего России, разрабатывая

общие теоретико-методологические параметры исследования переходной политической конфликтности. Разработанная ею типология политических конфликтов дает возможность прогнозировать вероятные конфликтные размежевания по тем или иным основаниям и своевременно реагировать на те проблемные области, которые уже несут в себе латентный потенциал конфликтов [Глухова, 2010].

В центре докторской диссертации Никовской Л.И. на тему «Конфликтное измерение политической трансформации в России» (2004) – динамическая модель морфологического анализа сложносоставных конфликтов. Автор показала, что пространство сложносоставных конфликтов образуется пересечением полей разнотипных моноконфликтов – политических, экономических, социокультурных и т.п., образуя подвижную структуру конфликтного взаимодействия. На основе дескриптивного анализа политической трансформации в России она выделила детерминанты главного конфликта демократического перехода: между моноцентричной политической властью и плюрализмом гражданских интересов, за которыми стоят общественно-политические группы гражданского общества. На основе данных многолетнего мониторинга региональной конфликтности зафиксировано своеобразие отражения общеполитической специфики развертывания политической конфликтности на уровне региона. Разработана качественная шкала конфликтности, содержащая спектр из девяти различных характеристик межсекторных взаимодействий, упорядоченных по степени возрастания конструктивности [Никовская, 2004].

Докторская диссертация Л.Н. Тимофеевой «Власть и оппозиция: конфликтно-дискурсивный анализ: теория, история, методология» (2005) позволила в новом ракурсе увидеть отношения власти и оппозиции, в первую очередь – как отношения субъектов политического дискурса – публичного, многостороннего и конфликтного по своей форме диалога с четко противопоставленными позициями и пропозициями, цель которого прояснить суть происходящего, дать адекватный ответ на вызовы времени, разоблачить «симулакрумы» – подделки, вымысел, ложь в политике, найти новые идеи для принятия более эффективных политических решений на теоретическом уровне, обоснованы плодотворность и эвристический потенциал конфликтно-дискурсивного метода анализа диады «власть и оппозиция», в котором объединяются конфликтологиче-

ский и дискурсный или субъектно-деятельностный и коммуникативный способы изучения их отношений, что позволяет сравнить слово и дело двоицы. Доказана необходимость соединения историко-диалектической парадигмы исследования с системно-функциональной, ибо изменения и стабильность диалектически привязаны друг к другу и лишь в такой комбинации помогают адекватно описывать общественные процессы: через конфликты к стабильности и снова к конфликтам и стабильности с помощью политического дискурса [Тимофеева, 2004].

Перечисленные ученые составили костяк Секции политических конфликтов в организованной в 2000 г. Международной ассоциации конфликтологов (МАК, президент Е.И. Степанов).

Необходимо заметить, что институционализация конфликтологии вообще и политической конфликтологии в частности связана с созданием в Российской академии наук в 1992 г. первого в пореформенной России Центра конфликтологии Отделения общественных наук, который возглавил вначале член-корреспондент РАН Г.Х. Шахназаров, в 1993 г. – член-корреспондент РАН В.Н. Кудрявцев, а с 1998 г. – член-корреспондент РАН А.В. Дмитриев. Этот центр должен был координировать работу исследовательских центров и групп в профильных институтах РАН. В 1992 г. создается Центр конфликтологии в Институте социологии РАН, который долгое время возглавлял Е.И. Степанов. Именно по инициативе А.В. Дмитриева и Е.И. Степанова состоялись три Всероссийских конгресса конфликтологов. Основой для этого стали региональные отделения МАК в Казани (Татарстан), Санкт-Петербурге, Астрахани, Воронеже, Йошкар-Оле, Нижнем Новгороде, Ставрополе, Ярославле и других городах.

В каждом из этих городов сложилась своя школа преподавания и исследования политических конфликтов.

Казань стала местом проведения первого (2000) и третьего (2010) Всероссийских конгрессов конфликтологов, где активно работали секции политического конфликта. В городе действуют три наиболее известных центра по исследованию конфликтов. Э.Р. Тагиров создал и возглавил первый и единственный в нашей стране Институт культуры мира (1999) [Тагиров, 1996; Тагиров, 2007; Тагиров, 2014 и др.], А.Л. Салагаев и С.А. Сергеев создали в 2006 г. и в разное время возглавили кафедру социальной и политической конфликтологии в составе социально-экономического факультета КГТУ, а затем – Казанского национального исследова-

тельского технологического университета, много сил отдавая исследованию политического и этнического экстремизма, конфликтов миграции [Салагаев, Ловчев, 2011; Сергеев, 2011 и др.]. А.Г. Большаков возглавил кафедру конфликтологии в Казанском федеральном университете (2011), под его руководством развиваются многие инновационные проекты: создан Центр медиации, урегулирования конфликтов и профилактики экстремистской деятельности при Институте непрерывного образования КФУ (центр нацелен на получение навыков практической конфликтологии и медиации студентами отделения конфликтологии); виртуальная научно-исследовательская лаборатория конфликтологии; Конфликтологическая клиника – некоммерческая организация, целью которой является оказание помощи населению при разрешении конфликтов. Открыта Лига медиаторов Поволжья [Большаков 2009; Большаков, 2010].

Большой вклад в популяризацию конфликтологии и технологий управления конфликтами внесла первая в России кафедра конфликтологии (заведующий кафедрой – профессор А.И. Стребков) Философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. За 10 лет своего существования она подготовила более 200 специалистов-конфликтологов. На ее базе был проведен второй Всероссийский конгресс конфликтологов в 2004 г. На кафедре читается курс по политической конфликтологии, защищаются диссертации, выпускаются книги и монографии и издается рецензируемый научный журнал МАК «Конфликтология» с рубрикой, посвященной политическим конфликтам. Действует Центр медиации.

В Ставрополе сложилась известная всей стране школа этнополитической конфликтологии, которая успешно работает под руководством профессора А.В. Авксентьева [Авксентьев, Гриценко, Дмитриев, 2008; Этнополитические процессы... 2011 и др.].

Воронежская конфликтологическая школа прославилась в 2000-е годы, когда созданный в городе Межрегиональный институт общественных наук (МИОН) избрал одним из направлений своей исследовательской деятельности политическую конфликтологию. За 10 лет работы МИОНа было проведено несколько всероссийских конференций, издано около 10 коллективных монографий, учебных пособий, статей, позволивших институционализировать политическую конфликтологию как самостоятельное направление в рамках общей конфликтологии и превратить Воронеж (ВГУ) в ее опорный

пункт [см.: Политическая конфликтология, 2001; Демократия... 2002; Глухова, Рахманин, 2002; Конфликты и диалог... 2005; Социальные конфликты... 2005 и др.].

В МГИМО (У) МИД России в течение последних двух десятилетий сформировалась научная школа по изучению миротворческих операций и урегулирования международных политических конфликтов усилиями международных организаций. Становление этой школы прежде всего связано с деятельностью и работами Почетного президента Российской ассоциации политической науки, директора Центра евро-атлантической безопасности МГИМО (У) МИД России проф. А.И. Никитина. Теоретические вопросы систематизации и междисциплинарного изучения миротворческих операций нашли отражение в монографиях «Миротворческие операции: концепции и практика» [Никитин, 2000], «Конфликты, терроризм, миротворчество» [Никитин 2009], «Евразия: новая повестка дня по достижению мира» [Eurasia, 2005] и др. Были выпущены серии теоретических статей в журналах «Мировая экономика и международные отношения», «Полис», «Мир и согласие», «Индекс безопасности» [Никитин, 2001] и др.

В Российской академии государственной службы при Президенте РФ (ныне – РАНХиГС) с начала 1990-х годов на кафедре политологии и политического управления одними из первых в стране стали преподавать политическую конфликтологию, давшую ныне старт магистерской программе «Политико-административное управление и посредничество в регулировании конфликтов». Благодаря члену Президиума МАК, профессору Л.Н. Тимофеевой здесь создана экспериментальная учебная программа дисциплины «Политико-административная конфликтология» [Тимофеева, 2006; Тимофеева, 2009].

Сегодня в России сформирована солидная библиотека учебников и учебных пособий по политической конфликтологии, политическим переговорам [Коваленко, Пирогов, Рыжков, 2002; Козырев, 2008; Политическая конфликтология... 2008; Лебедева, 1999; Василенко, 2006 и др.], позволяющая вести обучение по данному направлению.

Теперь в России ни один Всероссийский конгресс политологов не проходит без работы секции по исследованию политических конфликтов.

Об эвристических возможностях российской политической конфликтологии

1. Современные политические процессы на национальном, региональном и международном уровнях ставят перед политическими конфликтологами новые непростые задачи, гораздо более масштабные, хотя отчасти и напоминающие те, которые вызвали к жизни диалектическую теорию конфликта К. Маркса или концепцию вертикальных политических конфликтов в императивно-координированных ассоциациях Р. Дарендорфа. Сегодняшние конфликтологи должны исходить из учета взаимодействия между универсальными и региональными факторами в генезисе политических конфликтов; из анализа динамического напряжения между сходством и различием в протекании конфликтов в различных культурных контекстах; из поиска условий и факторов политической институционализации конфликтов, прежде всего на макро- и мегауровне; из учета ценностной чувствительности локальных и групповых структур, прежде всего этноконфессионального свойства. Эти проблемы становятся наиболее характерной чертой современного политико-культурного ландшафта и, следовательно, предметом особого внимания политической конфликтологии.

2. Накопленный отечественной политической конфликтологией теоретико-методологический багаж позволяет ей быть полезной и чрезвычайно актуальной в новой политической реальности, предъявляющей повышенный спрос на конфликтологическую экспертизу. Возникает вопрос о том, что сегодня составляет предметность политических конфликтов, как изменились субъекты и формы конфликтов в начале XXI в., какие факторы обусловили эти изменения и каково их дальнейшее вероятное воздействие. Вполне релевантным остается прием доминантного размежевания, предложенный К. Марксом и приобретающий особое значение в эпоху растущего культурного, экономического, политического многообразия. Однако востребованность в подобной экспертизе со стороны властных структур пока оказывается явно недостаточной. Отсюда в кризисных ситуациях многие политические решения принимаются спонтанно, без достаточного научного обоснования. Между тем эвристический потенциал политической конфликтологии позволяет ей вооружить и государство, и общество надежными

рекомендациями по профилактике и урегулированию политических конфликтов.

3. Опыт преподавания конфликтологического знания в других странах (например, в Германии) демонстрирует тесную связь между диагностикой политических конфликтов и формированием культуры мира как необходимой предпосылки профилактики и ненасильственного разрешения политических конфликтов. В учебных планах западных университетов нет предмета «Политическая конфликтология», но есть основательный курс «Исследование мира и конфликтов» [см., напр.: Frieden und Konflikt... 2005]. Полагаем, что расширение конфликтологического дискурса в направлении формирования у молодежи конфликтологической парадигмы мировосприятия и воспитание культуры мира – это оправданный шаг в совершенствовании преподавания политической конфликтологии.

Список литературы

- Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В.* Региональная конфликтология: концепты и российская практика / Под ред. М.К. Горшкова. – М.: Альфа-М, 2008. – 368 с.
- Айзенштадт Ш.Н.* Конструктивные элементы великих революций: культура, социальная структура, история и человеческая деятельность // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – М., 1993. – Т. 1., Вып. 2. – С. 190–212.
- Ансар П.* Современная социология. Глава 6. Конфликты и сдвиги // Социологические исследования. – М., 1996. – № 8. – С. 111–119.
- Банс В.* Элементы неопределенности в переходный период // Полис: Политические исследования. – М., 1993. – № 1. – С. 44–51.
- Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ.; под ред. В.И. Иноземцева. – М.: Логос, 2003. – 350 с.
- Большаков А.Г.* Политический конфликт: академические исследовательские традиции: Курс лекций. – Изд. 2-е, доп. – Казань: Центр инновационных технологий, 2010. – 230 с.
- Большаков А.Г.* Этнические вооруженные конфликты посткоммунистических государств европейской периферии [Текст]. – Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2009. – 466 с.
- Бурдые П.* Оппозиции современной социологии // Социологические исследования. – М., 1996. – № 5. – С. 36–50.
- Бурдые П.* Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – 333 с.
- Василенко И.А.* Политические переговоры: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2006. – 271 с.

- Галтунг Й. Йохан – гражданин мира. По пути к миру через земной шар / Пер. с норвежск. С.В. Карпушиной. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 336 с.
- Глухова А.В., Рахманин В.С. Политическая конфликтология: Учебное пособие. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2002. – 295 с.
- Глухова А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 280 с.
- Дарендорф Р. Размышления о революции в Европе // Путь: Международный философский журнал. – М., 1994 а. – № 6. – С. 37–127.
- Дарендорф Р. Современный социальный конфликт: Очерк политики свободы / Пер. с нем. – М.: РОССПЭН, 2002. – 288 с.
- Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. – М., 1994 б. – № 5. – С. 142–147.
- Делевский Ю. (Юделевский Я.Л.). Социальные антагонизмы и классовая борьба в истории. – СПб.: Общественная польза, 1910. – 387 с.
- Демократия: конфликтность и толерантность / Под ред. В.С. Рахманина. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2002. – 402 с.
- Денкэн Ж.-М. Политическая наука. – М.: Изд-во МНЭПУ, 1993. – 162 с.
- Доган М. Легитимность режимов и кризис доверия // Социологические исследования. – М., 1994. – № 6. – С. 147–156.
- Запрудский Ю.Г. Социальный конфликт: политологический анализ. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1992. – 120 с.
- Звоницкая А.С. Социальная связь: Опыт теоретической социологии. – Киев: Книгоиздательство И.И. Самоненко, 1914. – Т. 1. – 301 с.
- Зиммель Г. Избранное. – М.: Юрист, 1996. – Т. 2: Созерцание жизни. – 607 с.
- Коваленко Б.В., Пирогов А.И., Рыжков О.А. Политическая конфликтология. – М.: Ижица, 2002. – 400 с.
- Козер Л. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О.А. Назаровой. – М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 2000. – 208 с.
- Козырев Г.И. Политическая конфликтология. – М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2008. – 432 с.
- Конфликты и диалог политических культур в современной России / Под ред. А.В. Глуховой. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2005. – 216 с.
- Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов. Подходы, решения технологии: Учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 271 с.
- Липсет С.М. Консенсус и конфликт: Очерки по политической социологии. Реферат / РАН. ИНИОН. – М., 1987. – 33 с.
- Лоуи Т. Глобализация, государство, демократия: образ новой политической науки // Полис: Политические исследования. – М., 1999. – № 5. – С. 110–111.
- Матц У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна // Полис: Политические исследования. – М., 1992. – № 1–2. – С. 130–142.
- Нечипоренко Л.А. Социальный конфликт как социологическая категория // Философские науки. – М., 1977. – № 4. – С. 32–49.
- Никитин А.И. Конфликты, терроризм, миротворчество. – М.: Навона, 2009. – 232 с.

- Никитин А.И.* Миротворческие операции: концепции и практика. – М.: МОНФ, 2000. – 188 с.
- Никитин А.И.* Международные конфликты и их урегулирование // *Мировая экономика и международные отношения.* – М., 2006. – № 2. – С. 3–16.
- Никитин А.И.* Участие России в международном миротворчестве и перспективы его реформирования // *Индекс безопасности.* – М., 2011. – № 2 (97). – С. 105–113.
- Никовская Л.И.* Трансформация в России в контексте социального конфликта. – М.: Ключ-С, 2003. – Ч. 1. – 232 с.; Ч. 2. – 316 с.
- Овчинников В.С.* Политические конфликты и кризисные ситуации // *Социально-политические науки.* – М., 1990. – № 10. – С. 23–33.
- Петровская Л.А.* О понятийной схеме социально-психологического анализа конфликтов // *Теоретические и методологические проблемы социальной психологии.* – М.: Изд. МГУ, 1977. – С. 126–143.
- Политическая конфликтология / Под ред. С. Ланцова.* – СПб.: Питер, 2008. – 320 с.
- Политическая конфликтология перед новыми вызовами / Под ред. А.В. Глуховой.* – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. – 284 с.
- Прошанов С.Л.* Социология конфликта в России: история, теория, современность. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 227 с.
- Прошанов С.Л.* Социология конфликтов: История, теория, современность. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 232 с.
- Пищеворский А.* Переходы к демократии // *Путь: Международный философский журнал.* – М., 1993. – № 3. – С. 3–56.
- Рюб Ф.В.* Три парадокса консолидации в новых демократиях Центральной и Восточной Европы // *Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: В 2 т.* – СПб.; М.; Берлин: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге: Летний сад: Berliner Debatte Wissenschaftsverlag, 2003. – Т. 1: Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы. – С. 435–473.
- Салагаев А.Л., Ловчев В.М.* Социальные девиации в молодежной среде: конфликтологический подход: Учебное пособие. – Казань: КГТУ, 2011. – Ч. 2. – 208 с.
- Сергеев С.А.* Исследования экстремизма и радикализма в зарубежных и отечественных социальных науках // *Конфликтология.* – СПб., 2011. – № 3. – С. 1–17.
- Сорокин П.А.* Социология революции // *Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Соколова; Пер. с англ.* – М.: Политиздат, 1992 а. – С. 266–294.
- Сорокин П.* Социология революции. – М.: Астрель, 2008. – 784 с.
- Сорокин П.А.* Дальняя дорога: Автобиография / Пер. с англ. – М.: Моск. Рабочий: ТЕРРА, 1992 б. – 304 с.
- Сорокин П.А.* Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1999. – 448 с.
- Социальные конфликты в условиях системных трансформаций / Отв. ред. А.В. Глухова.* – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2005. – 360 с.
- Тагиров Э.Р.* На перекрестке цивилизаций: история татар в контексте культуры мира. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2007. – 389 с.

- Тагиров Э.Р. Планетарная цивилизация в зеркале глобалистики. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2014. – 336 с.
- Тимофеева Л.Н. Власть и оппозиция: взаимодействие, взаимоограничение, взаимоконтроль, коммуникация. – М.: Изд-во РАГС, 2004. – 241 с.
- Тимофеева Л.Н. Конфликты на государственной службе (основы государственно-административной конфликтологии): Учебно-методическое пособие. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – 66 с.
- Тимофеева Л.Н. Политическая конфликтология: Учебно-методическое пособие. – М.: Изд-во РАГС, 2006. – 64 с.
- Турен А. Возращение человека действующего. Очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998. – 204 с.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 603 с.
- Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис: Политические исследования. – М., 1996. – № 5. – С. 16–27.
- Штракс Г.М. Воспитание человека и проблема конфликта в условиях социализма // Совещание зав. кафедрами обществ. наук вузов РСФСР. – М., 1960. – Т. 2. – С. 48–54.
- Этнополитические процессы на Юге России: от локальных к блоковым конфликтам / В.А. Авксентьев, С.Н. Зинев, В.Н. Лавриненко, О.И. Лепилкина, Э.Т. Майборода. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 202 с.
- Яковец Ю.В. Эпохальные научные инновации XXI в. – М.: Экономика, 2004. – 439 с.
- Ash T.G. Eine Jahrhundert wird abgewählt. – München; Wien: Piper, 1990. – 112 S.
- Beyme K. Von Auf dem Weg zur Wettbewerbdemokratie: Der Aufbau politischen Konfliktstrukturen in Osteuropa. – Opladen: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1992. – 158 S.
- Boulding K. Conflict and defense: A General theory. – N.Y.: St. Martins press, 1988. – 289 p.
- Coser L. Social conflict and the theory of social change // British journal of sociology. – London, 1957. – N 8. – P. 197–207.
- Dahrendorf R. Auf der Suche nach einer neuen Ordnung. Eine Politik der Freiheit für das 21 Jahrhundert. – München: Verlag C.H. Beck oHG, 2003. – 157 S.
- Dahrendorf R. Soziale Klassen und Klassenkonflikte in der industriellen Gesellschaft. – Stuttgart: Enke, 1957. – 280 S.
- Dahrendorf R. Versuchungen der Unfreiheit (die intellektuellen in Zeiten der Prüfung). – München: Verlag C.H. Beck oHG, 2006. – 239 S.
- Dahrendorf R. Zu einer Theorie des sozialen Konflikts // Theorien des sozialen Wandels / Ed. by W. Zapf. – Königstein, 1989. – S. 108–123.
- Eurasia: New peace Agenda / Ed. by M. Tehranyan, A. Nikitin, M. Intriligator. – N.Y.; London; Amsterdam: Elsevier, 2005. – 260 p.
- Fischer H. Sozialdemokratie und Osteuropa. Die revolutionäre Evolution // Europäische Rundschau. – Wien, 1990. – N 2. – S. 9–17.
- Frieden und Konflikt: Beiträge zur historischen Friedensforschung. – Essen: Klartext Verlag, 2005. – 406 S.
- Galtung J. Human rights in another key. – London.: Policy press, 1994. – 184 p.

- Habermas J.* Die nachholende Revolution. – Frankfurt: Suhrkamp, 1990. – 180 S.
- Mitchell C.R.* Part 1: The structure of conflict // The Structure of international conflict / Ed. by C.R. Mitchell. – N.Y.: St. Martins press, 1989. – P. 15–70.
- Muenkler H.* Die neuen Kriege. – Hamburg: Rowohlt Verlag GmbH, 2003. – 285 S.
- Muenkler H.* Weder den Krieg. Stationen der Kriegsgeschichte im Spiegel ihrer theoretischen Reflexion. – Verlagsleitung: Velbruck Wissenschaft, 2005. – 294 S.
- Preus U.K.* Revolution, Fortschritt und Verfassung. Zu einem Verfassungsverständnis. – Berlin: Dietz, 1990. – 124 S.
- Rischer G., Gabriel R.* Die Politikwissenschaft und der Systemwandel in Osteuropa. – München: Minerva, 1993. – 213 S.
- Skocpol T.* State and social revolutions. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1979. – 327 p.